

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛУ

Н. В. Бородина, В. И. Бортников, Е. Н. Шишкина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Рассматривается вопрос применимости тематической сетки — объемной модели текстовой категории темы — при установлении степени соответствия перевода оригиналу. Построены тематические сетки оригинала стихотворения С. Плат *Morning Song* и его перевода, выполненного Я. Пробштейном. Рассчитана эквивалентность по параметрам набора, комбинаторики и текстового размещения 47 тематических номинаций.

Ключевые слова: *текстовая категория, тема, тематическая сетка, эквивалентность, поэтический текст, Сильвия Плат.*

Введение

Понятие тематической сетки предложено И. В. Арнольд в работах 1970—80-х гг. [1; 2] и связано в терминах стилистики декодирования с внутритекстовой системой повторов. Ср. разные определения: «Повторяясь в тексте, семы образуют его тематическую сетку» [1. С. 131]; «...тематической сеткой текста, — пишет И. В. Арнольд, — является набор повторяющихся в нем сем, то есть наименьших единиц плана содержания. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, то есть семантические повторы, обнаруживается по лексическим связям слов в тексте» [Цит. по 12. С. 141]. Собственно «сетка» в ходе стилистического анализа не изображается (нам не удалось найти ни одной работы с опытом построения такой модели), а идея «сетки» в границах текста соответствует, по сути, лексико-семантическому полю в системе языка [10. С. 53].

На той же логике повторяемости основан лингвотекстовый подход к теме, понимаемой уже как «текстовая категория — один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [13. С. 669]. Категория темы «отражает в тексте предмет речи, то есть тот предмет реальности, с которой работает автор» [9. С. 43]. «Тема текста находит свое выражение в тематических группах, для которых наиболее важны непосредственные наименования предмета речи» [8. С. 52].

Эти номинации признаются маркерами, или сигналами, текстовой категории темы (в терминосистемах смежных дисциплин — тематическими, или ключевыми, словами).

Каждая категория текста может интерпретироваться посредством трех моделей: линейной, полевой и объемной [17. С. 184]. Наиболее проста и удобна для анализа линейная форма, поскольку линейен сам текст, откуда и выбираются маркеры темы. Применительно к категории темы линейная форма интерпретации получила терминологическое обозначение «тематическая цепочка»: «Набор обозначений некоторого предмета речи, представленный на некотором протяжении текста, принято называть номинационной цепочкой, в соответствии с этим положением ряд номинаций одной и той же темы можно назвать тематической цепочкой» [8. С. 52]. Полевая дифференциация некоторого набора выявленных маркеров на ядерные и периферийные осуществляется «на основании частотности типов <маркеров>, а также их представленности в сильных позициях текста» [11. С. 118]. Как указывают Н. А. Купина и Т. В. Матвеева, «идея описания полевого устройства категории для многих текстов (в их числе тема, текстовое пространство и время, тональность) результативна, но не в полной мере, поскольку оставляет за пределами исследования собственно текстовые качества категории, прежде всего, ее внутреннюю текстовую структуру, композиционность» [Там же].

Итак, тематическую цепочку как линейную интерпретацию категории темы следует признать слишком частным явлением, хотя в своей

частности и дающим весьма интересные результаты. Тематическое поле, изображаемое в виде концентрических кругов, — модель интересная, но имеющая многочисленные ограничения: помимо упомянутых выше, это еще и невозможность выделить ядро и периферию в тех случаях, когда все маркеры совпадают с языковой точки зрения (например, только обращение *you*, встречающееся в тексте несколько раз) и встречаются в тексте в одинаково слабых позициях. Объемной структурой должна стать, очевидно, тематическая сетка — графическое воплощение идеи И. В. Арнольд о «системе повторяющихся в тексте значений, выраженных повторами слов, сем, образов или тем» [8. С. 52]. Из этого определения следует, что тематическую сетку можно получить путем изображения всех тематических цепочек исследуемого текста. Динамику, внутреннее развитие темы текста при этом имеет смысл показывать при помощи стрелок между цепочками, а парадигматические связи в границах одной и той же цепочки — при помощи прямых линий.

В рамках данной работы тематические сетки служат инструментом установления эквивалентности переведенного текста исходному. Оговоримся, что терминологическое уточнение понятия «эквивалентность», разграничение ее с «адекватностью», «полноценностью», «точностью» и прочим не входит в задачи исследования — в первую очередь поскольку это уже сделано целым рядом исследователей (обобщение см., напр., в работах [6], [14], [16]). Применительно к переводу поэтического текста принимается положение о «примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов» [16. С. 154]; равно важными для определения этой эквивалентности следует признать, по-видимому, узкое ее понимание (как меры содержательной близости оригиналу) и широкое (как меры формально-содержательного соответствия подлиннику) [6].

1. Материал и метод исследования

Материалом для сопоставительного анализа послужило стихотворение С. Плат *The Morning Song* в оригинале и в переводе Я. Пробштейна. Сильвия Плат (1932—1963) — американская поэтесса и писательница, «чьи стихи относят к жанру исповедальной поэзии (*confessional poetry*)» и чьей «центральной темой поэзии... является тема смерти и самоубийство» [15. С. 360]. Как бы вопреки этой теме, тенденции «вкладывать в произведение раздумья и переживания, ощущения и страхи» [7. С. 216], исследуемое стихотворение посвящено теме рож-

дения ребенка и первых дней (вернее, ночей) его жизни. Вместе с тем исповедальную поэзию, особенно в интерпретации С. Плат, можно понимать и шире — как направление, фиксирующее эмоции вообще «в кризисные моменты существования» [3. С. 8]: одним из таких моментов является, очевидно, и *рождение* — приход человека в этот мир, неизбежно связанный с *родом*, нередко угрожающими здоровью и даже жизни матери. Характерно, что данным взятым для анализа произведением открывается сборник поэтессы Ariel, полный русский перевод которого принадлежит Яну Пробштейну (поэтому для сопоставительного анализа далее привлечен именно его русскоязычный вариант).

Приведем анализируемое стихотворение в оригинале (слева пронумерованы строки):

S. Plath

Morning Song

- 1 Love set you going like a fat gold watch.
- 2 The midwife slapped your footsoles, and your bald cry
- 3 Took its place among the elements.
- 4 Our voices echo, magnifying your arrival. New statue.
- 5 In a drafty museum, your nakedness
- 6 Shadows our safety. We stand round blankly as walls.
- 7 I'm no more your mother
- 8 Than the cloud that distills a mirror to reflect its own slow
- 9 Effacement at the wind's hand.
- 10 All night your moth-breath
- 11 Flickers among the flat pink roses. I wake to listen:
- 12 A far sea moves in my ear.
- 13 One cry, and I stumble from bed, cow-heavy and floral
- 14 In my Victorian nightgown.
- 15 Your mouth opens clean as a cat's. The window square
- 16 Whitens and swallows its dull stars. And now you try
- 17 Your handful of notes;
- 18 The clear vowels rise like balloons [3].

Процедура категориально-текстового анализа начинается со сплошной выборки маркеров (сигналов категории), объединенных общим семантическим параметром, из целого текста. Полученное множество сигналов может быть оформлено в виде цепочки, поля либо объемной структуры [17. С. 184]. Дальнейшая интерпретация модели осуществляется по параметрам набора, комбинаторики и размещения [4. Р. 12—13].

Когда перед исследователем ставится задача сопоставить два текстовых варианта, описанная процедура усложняется ровно вдвое. Помимо выборки маркеров из исходного и переведенного текстов и их соотнесения (что отчасти облегчается за счет общности содержания), усложняется и процесс количественного определения эквивалентности. Удвоение текстовых вариантов должно подразумевать и удвоение параметров идентификации. Так, в наборе возможны переводческие добавления и опущения (формальное несоответствие, следствием которого оказывается и несовпадение содержательное, то есть отсутствие соответствия в одном из вариантов). Маркер может быть передан, но трансформирован семантически (переводческая замена). Наконец — что вполне ожидаемо и логично — сигнал текстовой категории в переводе может соответствовать оригиналу и формально, и содержательно. Дихотомия «форма — содержание» позволяет для названных трех случаев говорить, таким образом, о неэквивалентности, полуэквивалентности и эквивалентности набора, что может быть условно обозначено при помощи индексов 0; 0,5 и 1 соответственно.

Сходным путем для каждого маркера оценивается эквивалентность по параметру комбинаторики. «Комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения» текстовой категории [11. С. 118] определяется, очевидно, на основании формального и (или) содержательного совпадения/несовпадения соседних членов. Поскольку совпадение в наборе может быть оценено как равное 0; 0,5 или 1, то комбинаторное соответствие может составлять 0; 0,25; 0,5; 0,75 либо 1: первый случай — оба «соседа» не совпадают; второй — один не совпадает полностью, а другой передан лишь формально; третий — оба «соседа» выражены формально либо один из них совпадает полностью, а другой полностью не совпадает с оригиналом и т. д. Характерно, что числовое выражение эквивалентности по параметру комбинаторики определяется эквивалентностью по набору лишь частично: при добавлениях/опущениях соседние члены одного и того же маркера в исходном и переведенном тексте отличаются. Из сказанного следует частичная независимость параметров набора и комбинаторики при их частичной же взаимообусловленности.

Оценка эквивалентности по параметру размещения должна учитывать аналогично предыдущим параметрам формальный и содержательный аспекты. Формальное совпадение номинации с точки зрения размещения в стихотворном переводе — это, очевидно, такое же ее положение в ритмическом

(метрическом) рисунке стиха, как и в оригинале. В семантическом же аспекте размещение связано с положением слова (поскольку «категория темы представлена, как правило, лексикой» [8. С. 52]) в ближайшем с точки зрения языковых уровней более крупном и содержательно завершенном отрезке — предложении. Приведем простой пример: определим эквивалентность по размещению взаимно соответствующих лексем *you* — *тебя* в первой строке сопоставляемых текстовых вариантов: *Love set you going like a fat gold watch.* — *Любовь завела тебя, как толстые золотые часы.* В ритмическом рисунке оригинала *you* занимает позицию третьего слога из 10, то есть интервал между 0,2 и 0,3 (условно обозначим эту позицию как 0,25). В переводе *тебя* занимает положение шестого и седьмого слогов из 17, то есть лежит между концом пятого ($5/17 \approx 0,29$) и концом седьмого ($7/17 \approx 0,41$) слога. Условно это положение равно $6/17 \approx 0,35$. Отклонение между 0,25 и 0,35 составляет 0,1; следовательно, эквивалентность (степень совпадения) по размещению в формальном аспекте равна 0,9. Семантически же первое предложение идентично первому стиху; *you* — третья лексема из семи в оригинале и из девяти в переводе. Тем же путем вычисляем степень отклонения: позицию в оригинале определим как равную $2,5/7 \approx 0,36$ (усреднение между $2/7$ и $3/7$), в переводе — $2,5/9 \approx 0,28$ (усреднение между $2/9$ и $3/9$). Отклонение, равное 0,08, вычитаем из единицы и находим, что эквивалентность (степень совпадения) по размещению в содержательном аспекте равна 0,92. Очевидно, такой подход позволяет учесть и сильные, и слабые позиции того или иного слова как в стихе, так и в предложении; при совпадении же «абсолютного» начала или конца стихотворного и/или синтаксического отрезка («абсолютно сильной» позиции) величины типа 0,98 или 0,99 следует округлять до 1. Возможная же необходимость учета суперсегментных фонетических единиц в анализе (ударения и интонации) актуальна лишь для метрически выверенных текстов; в рамках данной статьи эти единицы не привлекаются, поскольку ни анализируемый текст, ни его перевод не написаны сколько-нибудь регулярным размером.

2. Тематическая сетка оригинала

Определим основные тематические линии исследуемого текста. Системно действующих (то есть имеющих не единичное упоминание) на протяжении текста субъектов три: 1) сам ребенок, являющийся адресатом речи и потому номинируемый

во втором лице; 2) коллективное *we/мы*, «приветствующее» приход нового человека; и 3) *I/я* матери, принадлежащее этому «коллективу». Обратим внимание на композиционное распределение субъектных тематических цепочек: *you/ты* главного действующего лица (либо его модификации типа *your*) встречается во всех шести трехстишиях; коллективное *we/мы* — лишь во втором, а *I/я* — только в третьем, четвертом и пятом трехстишиях. Сказанное подтверждает мысль о том, что композиция служит формой выражения и развития темы, то есть о взаимосвязи этих двух категорий [4; 8; 9; 17].

Для всех трех субъектных цепочек базовыми номинациями оказываются личные местоимения: *you/ты*, *we/мы*, *I/я*. От всех трех в тексте присутствуют и производные притяжательные *your/твой*, *our/наш*, *my/мой*. Контекстные партнеры этих номинаций позволяют идентифицировать предметные тематические линии: так, у ребенка это портретные черты (*footsoles/пяточки*, *nakedness/нагота*, *moth-breath/дыхание*, как у мотылька, *mouth/ротик*) и поступки (*bald cry / голый крик*, *arrival/приход*, *cry/вскрик*, *handful of notes / пригоршня нот*); вспомним, что и в сильную позицию заглавия вынесено *song/песня* с амфиболическим *morning/утренняя* (*песня* знаменует утро как часть суток и — метафорически — «утро жизни», то есть ее начало). Количественная ослабленность субъектов 2 и 3 видна и по снижению предметных сочетаний с соответствующими им притяжательными субститутами: так, с *our/наш* сочетается лишь *voices/голоса* и *safety/безопасность*, а с *my/mou* — *early/рано* (у переводчика мн. ч.) и *Victorian nightgown / викторианская ночнушка*. Укажем на количественную симметричность двух предметных линий, связанных с ребенком (по четыре номинации, если не считать как бы отдельно «рвущееся наружу» заголовочное *song*) и на предметное равенство при двух других субъектах (по две номинации, с трудом подводимые под группу «портретные черты», — особенно *safety*). Вместе с тем и по выделенным соответствиям, и по самому тексту видно почти буквальное следование переводчика за оригиналом: нерифмованные строки передаются Я. Пробштейном почти слово в слово.

Если описывать категорию темы исследуемого стихотворения в терминах поля, то периферию по отношению к ядру — как на качественном, так и на количественном основании — составят выделенные выше предметные номинации. Непосредственным ядром будут базовые номи-

нации (уже отмеченные лично-местоименные субституты), а притяжной зоной — производные от них притяжательные местоимения, «нулевые» номинации (имплицитно присутствующие в тексте, но формально не выраженные, например: *One Ø cry* = *One your cry*) и номинации метафорические (*watch/часы*, *New statue / Новая статуя*, *walls/стены*, *the cloud / туча*). Вновь укажем на количественную симметричность перечисленных метафорических номинаций: первые две относятся к субъекту 1, третья — к субъекту 2, четвертая — к субъекту 3. Как и в предметных цепочках, номинаций при субъекте 1 ровно вдвое больше, чем при каждом из субъектов 2 и 3, и вновь с нарушением: развернутая метафора *тучи* поддерживается еще местоименными субститутами: *that/которая* и *it/ее*.

В приведенной на рис. 1 (с. 18) тематической сетке стрелками показана динамика текста, прямыми линиями — парадигматические связи в границах каждой отдельной цепочки, а скобками — предметные (портретные) и событийные номинации:

Полученная объемная модель тематического развития представляет собой «сетку» в прямом смысле: продольные линии в ней — это тематические цепочки, при помощи же поперечных линий (на рис. 1 они для удобства заменены стрелками) отражаются переходы между цепочками, иными словами — динамическое взаимодействие тематических цепочек. На логичный вопрос о том, почему в сетке «задействованы» не все ячейки, то есть почему заполнена не вся сетка, ответ лежит, по видимому, в аналоговом характере организации тематической сетки и лексико-семантического поля, отмеченном еще И. В. Арнольд (о чем уже говорилось выше). Напомним, названные два феномена находятся в отношениях «поле текста — поле языка». Точно так же, как в словарном составе языка заполнены не все потенциально возможные «ячейки» (чему примером окказиональные образования, нередко заполняющие эти «пустоты» [5. С. 25]), — так и в тексте тематические линии и переходы между ними заполняются неодинаково, только происходит это по воле автора и в соответствии с реализуемым коммуникативным намерением. Трудно было бы представить себе абсолютно одинаковые тематические цепочки: невозможно было бы тогда выделить главных и второстепенных персонажей, основные эпизоды, ключевые идеи; в логике поля не выделялись бы ядро и периферия и т. п.

3. Тематическая идентификация эквивалентности перевода Я. Пробштейна

Выше уже говорилось о почти пословном характере перевода Я. Пробштейна, что видно уже по прочтении самого этого варианта сопоставительно с оригиналом (слева вновь для наглядности пронумерованы строки):

Перевод Я. Пробштейна

Утренняя песня

- 1 Любовь завела тебя, как толстые золотые часы.
- 2 Повитуха шлепнула тебя по пяткам,
и твой голый крик
- 3 Вписался в стихи.
- 4 Наши голоса вторят эхом, усиливая твой приход.
Новая статуя.
- 5 В продуваемом сквозняком музее твоя нагота
- 6 Оттеняет нашу безопасность. Мы окружаем
тебя, как голые стены.
- 7 Я не более мама твоя,
- 8 Чем туча, которая очищает зеркало, чтобы оно
отразило,
- 9 Как рука ветра медленно стирает ее.
- 10 По ночам твое дыхание мотылька
- 11 Мерцает среди плоских розовых роз.
Проснувшись, слышу:
- 12 Далекое море рокочет в моих ушах.
- 13 Один вскрик, и я, спотыкаясь, встаю с кровати,
по-коровьи тяжело
- 14 В цветастой викторианской ночнушке.
- 15 Твой ротик открывается опрятно, как у кошки.
- 16 Квадрат окна белеет и глотает поблекшие
звезды. И теперь
- 17 Ты пробуешь пригоршню нот:
- 18 Твои чистые гласные взлетают, как шарики [3].

Значительную близость оригиналу подтверждает и построенная нами тематическая сетка перевода (рис. 2 на с. 20; нумерация арабскими цифрами сохранена из рис. 1 с целью дальнейшего сопоставления с оригиналом).

Покажем, однако, что перед нами не подстрочник. Сопоставление двух тематических сеток делает наглядным ряд расхождений перевода и оригинала анализируемого стихотворения в следующих номинациях:

— № 4 (*your* → *тебя*) и № 5 (*footsoles* → *по пяткам*) — грамматическая трансформация, следствие различия в управлении англ. *slap* и рус. *шлепнуть*;

— опущение № 8 в составе устойчивого выражения *took its place* (рус. *вписался*);

— № 20 — переводческое добавление *тебя* (*We stand round blankly as walls* → *Мы окружаем тебя, как голые стены*), эксплицирование «нулевой» номинации;

— перестановка № 23 и 24 (*your mother* → *мама твоя*);

— № 31 — переводческое опущение *I* с целью сохранения ритмико-метрического контура (ср. *I wake to listen* → *Проснувшись, слышу*);

— № 33 — грамматическая трансформация — замена единственного множественным (*ear* → *ушах*);

— опущение «нулевых» номинаций № 36 и 37 при обособленных определениях *cow-heavy* и *floral*, а также *my* (№ 38) — следствие перестройки синтаксической конструкции в соответствии с правилами русского языка, при этом попытка компенсации одной из «нулевых» номинаций за счет добавления деепричастия при «разбиении» в переводе *stumble* (*спотыкаясь, встаю*);

— перестановка № 44 и 45, связанная с переносом *your* (*your handful of notes* → *пригоршню нот*) строкой ниже (*the clear vowels* → *твои чистые гласные*). Как и в случае с *my Victorian nightgown* (строка 14, номинации 38—39), перевод с сохранением притяжательного местоимения (**я встаю... в моей викторианской ночнушке; *ты пробуешь... твою пригоршню нот*) выглядел бы по-русски странно, и переводчик вновь идет на компенсацию — передает артикль *the* тем самым *твои*, которое вынужден опустить при предшествующей предметной номинации.

Перечисленные трансформации (позволяющие говорить о предложенном Я. Пробштейном текстовом варианте как о переводе, а не о подстрочнике) получают отражение в наборе, комбинаторике и размещении в зависимости от их типологической принадлежности: добавления, опущения и замены влияют на эквивалентность по первым двум параметрам, перестановки же в первую очередь связаны с размещением номинаций в тексте. Сказанное подтверждается таблицей (с. 21).

Выводы

Наиболее бросающиеся в глаза закономерности полученной таблицы — преобладание показателя 1 (184 ячейки из 288) и наибольшее число минимальных отклонений от единицы в строках 5 и 6. Однако именно расчеты размещения показали в отдельных, почти невидимых случаях чистые «единицы». Номинация № 15 (*our* — *нашу*, восьмое слово из девяти в одном и том же английском

Событийная цепочка		Цепочка «ты»		Цепочка «мы»		Цепочка «я»		Портретная цепочка	Строфа оригинала
1. песня	→	2. тебя ↓ 3. часы ↓ 4. тебя	→		→		→	→ 5. (по пяткам)	I
7. (крик)	←	6. твой	←		←		←		
10. (голоса)	←	←	←	9. наши					
11. Ø [усиливая]	↓								
13. (приход)	←	12. твой							
	/	14. новая статуя ↓ 15. твоя	→		→		→	16. (нагота)	II
				17. нашу	→		→	18. (безопасность)	
				19. мы	↙		←		
		20. тебя	↙						
			↓	21. стены					
						22. я ↓ 24. мама			
		23. твоя	↙	←	↙				III
			↓	→	↓				
						25. туча ↓ 26. которая ↓ 27. ее			
			↙	←	↙				
		28. твое	→	→	→	→	→	29. (дыханье мотылька)	
							↙		IV
						30. Ø [проснувшись] ↓ 31. Ø [слышу] ↓ 32. моих		→ 33. (ушах)	
			↙	←	↙		←		
		34. Ø [вскрик]	↓	→	↓				
						35. я ↓ 35а*. Ø [спотыкаясь] ↓ 39. (викторианской ночнушке)			V
		40. твой	↙	←	↙		←	↙ 41. (ротик)	
			→	→	→		→		
		42. у кошки	↙	←	↙		←		
			↓						
		43. ты							
45. (пригоршню нот)	→	44. твои							VI
46. (гласные)	↓								
47. (шарики)									

* Переводческое добавление, не соответствующее ни № 34, ни № 35, возникшее вследствие лексико-грамматической дифференциации в переводе: *stumble from bed* → *спотыкаясь, встаю с кровати*.

Рис. 2. Тематическая сетка перевода Я. Пробиштейна

**Расчет эквивалентности
перевода Я. Пробштейном стихотворения С. Плат Morning Song оригиналу**

№ номинации			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	
	семантич.	(2)	1	1	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	1	1	1	1	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1	
	семантич.	(4)	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0,5	1	1	1	
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,92	0,9	1	0,94	0,9	0,95	1	0	1	1	1	1	
	семантич.	(6)	1	0,92	1	1	1	0,89	1	0	1	1	0,93	0,96	
№ номинации			№	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1
	семантич.	(2)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	1	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0,5
	семантич.	(4)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,5	0,5	0,5
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,96	0,92	1	1	1	1	1	1	0	1	0,97	0,69	0,84
	семантич.	(6)	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0,96	0,94
№ номинации			№	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	35а
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0
	семантич.	(2)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,5	1	1	0
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	1	1	1	0,5	0
	семантич.	(4)	0,5	1	1	1	1	1	1	1	0,75	1	0,75	0,5	0
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,96	1	0,91	0,86	0,94	0	1	1	1	1	1	0,97	0
	семантич.	(6)	1	1	0,7	1	0,95	0	1	0,95	1	1	1	0,93	0
№ номинации			№	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	семантич.	(2)	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	0	0	0	0,5	1	1	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1
	семантич.	(4)	0	0	0	0,5	1	1	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0	0	0	1	1	1	0,68	0,19	0,93	0,85	0,78	1	
	семантич.	(6)	0	0	0	1	1	1	1	0,97	0,78	0,96	0,93	1	
№ номинации			Усредн. (1—47)												
Эквивалентность по набору	формальн.		0,85												
	семантич.		0,86												
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.		0,73												
	семантич.		0,74												
Эквивалентность по размещению	формальн.		0,79												
	семантич.		0,83												

и русском предложении) — третий слог в 12-сложной шестой строке оригинала и 5—6-й слоги в соответствующей 23-сложной строке перевода. Ритмическое отклонение (разница 2,5/12 и 5/23) менее 0,01! Самая длинная номинация, № 39 (*Victorian nightgown* — *викторианская ночнушка*), завершает

предложение, состоящее из 14 слов в обоих вариантах. Из семи слогов оригинала это слоги 3—7, а из одиннадцати перевода — 4—11. И вновь почти 100%-ная эквиритмичность с отклонением около 0,006! Вполне логично, что усредненная степень соответствия по всем шести строчкам таблицы

получается 0,8 (80 %) — это весьма высокий результат по сравнению, например, с имеющимися данными, полученными аналогичным путем, по прозаическому (около 74 %) и стихотворному (около 51,5 %) переводам поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» [4. С. 23], — правда, написанной регулярным пятистопным ямбом.

Обратим, кроме того, внимание, что по всем трем параметрам (набор, комбинаторика, размещение) степень семантического соответствия, то есть собственно эквивалентности, выше формального. Действительно, разная длина среднего слова, многочисленные фонетические и грамматические различия исходного и переводящего языков не могли не оставить свой след даже в столь близком оригиналу переводе. Некоторые формальные изменения осуществлены Я. Пробштейном намеренно: таково, например, лексическое «перераспределение» строк 15, 16 и 17 (и потеря столь важного для С. Плат анжамбемана в строке 15), следствием чему — рекордно низкое 0,19 по размещению номинации № 43 (*you — ты*). Большой акцент на семантической близости перевода оригиналу подтверждается и уже упоминавшимися компенсациями, и почти пословным характером перевода, и поразительным ощущением «нулевых» номинаций — сохранением взаимно соответствующих синтаксических позиций.

Определение эквивалентности перевода оригиналу (в узком смысле как степени содержательной близости, равной среднему арифметическому четных строк полученной таблицы, то есть 81 %; в широком смысле как мере формально-содержательного соответствия, усредненно равной сред-

нему арифметическому всех строк полученной таблицы, то есть 80 %) осуществлено в результате сопоставления тематических сеток — модели, сочетающей в себе элементы линейных (цепочечных) и полевых структур и имеющей ряд преимуществ по сравнению с теми и другими:

— включение нескольких цепочек дает представление об их взаимодействии, чего нельзя не учитывать, например, при определении параметра комбинаторики в ходе сопоставительной идентификации переводов;

— нумерация номинаций показывает плотность тематической цепочки на том или ином композиционном участке, а также позволяет упростить процедуру подсчетов соответствий по набору, комбинаторике и размещению;

— возможность указания композиционной привязки (строфы, строки текста) наглядно демонстрирует развитие каждой цепочки на протяжении всего текста, что, в свою очередь, позволяет выделить основную и вспомогательные тематические линии, определить центрального персонажа, расставить акценты, необходимые в том числе для переводчика.

Тематические сетки обоих вариантов текста могут быть дополнены элементами других текстовых полей, в частности хронотопа и тональности. В таком случае это уже будут объемные структуры, демонстрирующие состав комплексной категории локации. Сопоставление таких структур предположительно должно давать более точные данные о степени соответствия перевода оригиналу и потому составляет перспективу данного исследования.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе: [сб. науч. тр.] / отв. ред. И. В. Арнольд. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. С. 3—11.
3. Бородина Н. В., Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация аксиологем в английском поэтическом тексте и его переводе (на материале «семейных» ценностей в стихотворении С. Плат «Утренняя песня») // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. семинара / под ред. Ю. Н. Михайловой. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 7—11.
4. Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
5. Вепрева И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991—2002 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.
6. Горбачевский А. А. Перевод: адекватный, эквивалентный, реалистический // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 66—69.

7. Добрынина О. В., Керимова К. Р. Роль цветовой метафоры в создании адекватного перевода (на материале перевода поэзии Сильвии Плат с английского языка на русский язык) // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. и материалов Междунар. конф., посвящ. 15-летию первого выпуска специалистов в области лингвистики в Сургут. гос. ун-те / отв. ред. И. А. Курбанов. Сургут: Сургут. гос. ун-т, 2017. С. 212—219.

8. Ицкович Т. В. Категория темы в тексте жития // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 52—59.

9. Ицкович Т., Цзяоцзя Ч. Категория темы в жанре очерка (на материале очерков В. М. Пескова) // Слова ў кантэксце часу. Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А. І. Наркевіча / рэдкал.: В. М. Самусевіч [і інш.]. Мінск: БГУ, 2019. С. 42—45.

10. Клейменова Н. М., Абакарова Н. Г. Тематическая сетка *exclusion* в романах современных французских писателей // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 51—58.

11. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2019. 415 с.

12. Кухтенкова А. А. Лексико-тематическая сетка ассоциативно-семантического микрополя литературного героя (по роману Г. И. Газданова «Эвелина и ее друзья») // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 141—147.

13. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2014. С. 669—671.

14. Смирнова В. Н., Милотаева О. С. Прагматическая эквивалентность как критерий оценки качества учебного перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). С. 233—239.

15. Шарышова Н. В. Метафорическое осмысление концептов Life/Жизнь и Death/Смерть в поэтическом дискурсе Сильвии Плат // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Третий международный научный семинар (Чехия, Австрия, Германия, 04—11 июня 2017 г.) / под ред. О. Д. Вишняковой. Прага: Терис, 2017. С. 358—363.

16. Шутемова Н. В. Исследование типологических параметров поэтического текста в переводоведении // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). С. 152—157.

17. Zemova M. I., Bortnikov V. I. Categorical Analysis of G. G. Byron's *Sun of the Sleepless*: an Interpretation via Field Structures // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов / отв. ред. Л. И. Корнеева. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 182—189.

Сведения об авторах

Бородина Наталья Витальевна — магистр лингвистики, кафедра иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. nataliaborodina12@mail.ru

Бортников Владислав Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, доцент кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. octahedron31079@mail.ru

Шишкина Екатерина Николаевна — магистрантка 2-го курса по направлению «Лингвистика», кафедра иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 14—25.

THEMATIC GRID AS AN INSTRUMENT OF CALCULATING TRANSLATION EQUIVALENCE

N. V. Borodina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
nataliaborodina12@mail.ru

V. I. Bortnikov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
octahedron31079@mail.ru

E. N. Shishkina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

The paper studies the thematic grid as a model used to identify translation equivalence. The theme is understood as one of the basic text categories, thus the main method chosen is the categorical one. The thematic structure of any text can be presented via three models: a chain, a field, and a grid. The idea of the thematic grid combines the phenomenon of the thematic network suggested by Prof. I. V. Arnold within decoding stylistics and the so-called volumetric text categories as classified by Prof. T. V. Matveeva. The article contains two experimental thematic grids: the one of S. Plath's poem "Morning Song" and the other of its Russian translation by Ya. Probst. On the basis of their comparison, the equivalence is calculated by three parameters: the set of nominations, their combinatorics, and their placement within the text.

Keywords: *text category, theme, thematic grid, equivalence, poetic text, Sylvia Plath.*

References

1. Arnold I. V. (1973) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. Stilistika dekodirovaniya* [Stylistics of Modern English]. Leningrad, Prosveshchenie Publ. 303 p. [in Russ.].
2. Arnold I. V. (1984) *Leksiko-semanticheskoe pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta* [The lexical semantic field in a language and a thematic net of the text]. I. V. Arnold (ed.). *Tekst kak ob'ekt kompleksnogo analiza v vuze* [Text as an object of complex analysis at the university]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ. Pp. 3—11 [in Russ.].
3. Borodina N. V., Bortnikov V. I. (2020) *Kategorial'no-tekstovaya identifikatsiya aksiologem v anglijskom poeticheskom tekste i ego perevode (na materiale «semeinykh» tsennostej v stikhotvorenii S. Plat «Utrennyaya pesnya»)* [Categorical identification of axilologemes in the English poem and its translation (on the material of "family" values in S. Plath's "Morning Song")]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanij* [Axiological aspects of modern philological research]. Yekaterinburg, Azhur Publ. Pp. 7—11 [in Russ.].
4. Bortnikov V. I. (2015) *Kategorial'no-tekstovaya identifikatsiya variantov khudozhestvennogo teksta* [Categorical identification of literature text variants. Abstract of thesis]. Yekaterinburg, [in Russ.].
5. Vepreva I. T. (2003) *Metazykovaya refleksiya v funktsional'no-tipologicheskom osveshchenii (na materiale vyskazyvanij-refleksivov 1991—2002 gg.)* [Meta-Language Reflection in Functional and Typological Description (on the Material of 1991—2002 Reflexive Statements). Abstract of thesis]. Yekaterinburg [in Russ.].
6. Gorbachevskij A. A. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 24 (239), pp. 66—69 [in Russ.].
7. Dobrynina O. V., Kerimova K. R. (2017) *Rol' tsvetovoj metafory v sozdanii adekvatnogo perevoda (na materiale perevoda poezii Sil'vii Plat s anglijskogo yazyka na russkii yazyk)* [The role of color metaphor in creating an adequate translation (based on the translation of Sylvia Plath's poetry from English into Russian)]. *Lingvisticheskoe obrazovanie na sovremennom etape: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Linguistic education at the present stage: Russian and foreign experience]. I. A. Kurbanov (ed.). Surgut, Surgut State Univ. Publ. Pp. 212—219 [in Russ.].
8. Itskovich T. V. (2013) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 52—59 [in Russ.].

9. Itskovich T., Jiaojiao Ch. (2019) Kategoriya temy v zhanre ocherka (na materiale ocherkov V. M. Peskova) [The category of topic in the essay (based on V. M. Peskov's works)]. V. M. Samusevich (ed.). *Slova w kontekstse chasu* [Word in the context of time]. Minsk, Belarusian State Univ. Publ. Pp. 42—45 [in Russ.].
10. Klejmenova N. M., Abakarova N. G. (2019) *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, no. 4 (36), pp. 51—58 [in Russ.].
11. Kupina N. A., Matveeva T. V. (2019) *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of modern Russian]. Moscow, Yurait Publ. 415 p. [in Russ.].
12. Kukhtenkova A. A. (2016) *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (29), pp. 141—147 [in Russ.].
13. Matveeva T. V., Skovorodnikov A. P. (ed.) (2014) *Tekstovaya kategoriya* [Text category]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective verbal communication (basic competences): dictionary]. Krasnoyarsk, Siberian Federal Univ. Publ. Pp. 669—671 [in Russ.].
14. Smirnova V. N., Milotaeva O. S. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (420), pp. 233—239 [in Russ.].
15. Sharyshova N. V. (2017) *Metaforicheskoe osmyslenie kontseptov Life/Zhizn' i Death/Smert' v poeticheskom diskurse Sil'vii Plat* [Metaphorization of the concepts of Life and Death in Sylvia Plath's poetry]. O. D. Vishnyakova (ed.). *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya* [Language, literature and culture as domains of intercultural communication]. Praha, Teris Publ. Pp. 358—363 [in Russ.].
16. Shutemova N. V. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 28 (243), pp. 152—157 [in Russ.].
17. Zemova M. I., Bortnikov V. I. (2020) *Categorical Analysis of G. G. Byron's Sun of the Sleepless: an Interpretation via Field Structures*. L. I. Korneeva (ed.). *Yazyk v sfere professional'noi kommunikatsii* [Languages in Professional Communication]. Yekaterinburg, Azhur Publ. Pp. 182—189.